

18+

Олег Бушуев

От царей до секретарей и дальше

Единый учебник истории
России глазами поэта

Олег Бушуев

**От царей до секретарей и
дальше. Единый учебник
истории России глазами поэта**

«Издательские решения»

Бушуев О. Л.

От царей до секретарей и дальше. Единый учебник истории России глазами поэта / О. Л. Бушуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831138-3

Перед вами поэтическое осмысление истории — это знания, прошедшие через ум и сердце поэта. Автор переживает прошедшие века как что-то личное, относящееся к сегодняшнему дню, печалится об ошибках и тупиках истории Родины, пытается найти их причины и выход из них. Он разговаривает с читателем, знающим историю по школьному курсу, но не имеющим чёткой картины, а подчас представляющим историю как набор разрозненных дат и фактов. Подчас он ироничен и даже категоричен, но искренен.

ISBN 978-5-44-831138-3

© Бушуев О. Л.
© Издательские решения

От царей до секретарей и дальше Единый учебник истории России глазами поэта Олег Львович Бушуев

© Олег Львович Бушуев, 2016

ISBN 978-5-4483-1138-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Россия, как ты ныне воплотила
Одной своей боярыни черты.
Страданий за глаза б твоих хватило
На сотню стран других, но всё же ты
За веру стародавнюю страдаешь,
Сынов своих на плаху посылаешь,
Готовая, скорее, смерть принять,
Чем честно тщетность выбора понять.

Ты не Пилат, но ты и не Мессия,
И, точно, не оплот идей святых.
Поведай мне, кто друг тебе, Россия,
И я тогда скажу тебе, кто ты.
Не учишься ты на чужих примерах.
Ты и в народ свой не имеешь веры.
Освобожденью предпочла ты вновь
Рабов к имперской мишуре любовь.

Я Родину свою по воле рока,
Бывало, ненавидел, и любил.
А сколько раз, увы, её я проклял,
И сколько раз её благословил!
Её моря, леса, поля и горы,
Её степные пыльные просторы,
Её снега и льды, её пески —
Мне знаки и надежды, и тоски.

Русь – птица тройка. Кто коней стреножил
Твоих, коварно кучера споил,
В буране грязной лжи в тупик дорожный
Своей опасной сказкой заманил?
Смотри! Другие тройки скачут мимо,
Течение дней, увы, неумолимо,
Оно несёт успех совсем иным,
И жаль, что не угнаться уж за ним.

Весь путь её – ухабы и овраги,

Да ямины пещёр Руси Святой.
А что дало призвание варягов?
Что получилось из затеи той?
Как некогда в состав Орды вступили,
Вот так же раньше с викингами жили,
Их именем, порой, словно щитом,
От неприятелей прикрыв свой дом.

Приходится, порой, нам выбор делать,
Но умудриться, всё же, нужно так,
Своё всё время умерщвляя тело,
Твердить про душу. Видно, это – знак
Что в голове, увы, не всё в порядке,
Ошибок столько сделать в срок сей краткий!
Россию сохраняя, злобный рок,
Как верный пёс, дремля, лежит у ног.

История, она – служанка силы.
Ей вечно сослагательность претит,
Она давно преступников простила,
Но и поныне жертвам сирым мстит.
Ей вечно вольнодумства дух противен,
И это всё, мне кажется, не диво,
Поскольку до сих пор её жрецы
Стремятся прятать под воду концы,

Которые их ложь изобличали.
Не потому ли так темны у нас
Её страницы, что не отвечали
Заказу тех, кто в подлости увяз.
Тех, кто Россию вечно унижали
И в чёрном теле подданных держали.
Они сейчас как прежде на коне...
Но и народ – не агнец, ясно мне.

Порой он просто зверь, свободе смуту
Предпочитает, а труду разбой,
И бунтом разбивая гнёт и путы,
Он в этот бунт уходит как в запой
И в беспредел холопского похмелья,
Готовя снова несвободы зелье,
Призвав тирана из своих рядов
Иль отпрыска «почтеннейших» родов.

История страны – событий тени,
Нам предстаёт не просто суммой дней,
А сменой резких взлётов и падений
Когда-то ею правивших царей.
Их дел, ошибок, зверств и устремлений,

Ума потёмок, редких просветлений,
Убийств и казней, битв и страшных войн,
Она – лишь жизни призрак неживой.

И в чём же смысл историей гордиться?
Она – событий разных череда.
Но только для того она годится,
Чтоб с грустью устыдиться иногда.
Чем жадно пить вино патриотизма,
Уж лучше знать не миф, а правду жизни.
И разве не гордился б патриот,
Когда б совсем другой тут жил народ?

Да, так же бы он оды пел державе,
Совсем другой историей гордясь,
И так же б упивался чуждой славой,
Ей упиваться призывая нас.
Сви́реп и грозен был когда-то Молох,
Но появилось в мире много новых.
Россия и какой-то скользкий змей...
Какой из этих идиолов грозней?!

Учитель лучший – опыт и нужда.
А научил чему нас предков опыт?
В страданиях тяжких он народом добыт.
А, может, опыт – это ерунда?
Кого призвать на трон и с кем бороться,
Кого признать за чуждых инородцев?
Любить Европу или биться ль с ней?
Хранить ли верность ветхой старине?

Пример не убеждает нас, как видно,
Тот, что другие страны подают.
Конечно же, нам быть в хвосте обидно,
И свой найти хотим особый путь,
Идя вперёд за дудкой крысолова,
Намного больше доверяя слову,
Чем даже собственным глазам своим,
Мудря своим умом невыездным.

Варяги. Кто они, как не чужие,
Враги, поработившие страну?
У них под каблуком века мы жили,
Предав навек славянства старину.
Терпели иго, батюшка, терпели,
И громко славу им по-рабски пели,
И, в мыслях унаследовав её,
Невольно рабство это признаём.

А ныне патриотам так любезны
Князей чужих варяжских имена,
Что живы в наших именах и песнях.
Они гордиться предлагают нам
Щитом, что на воротах Цареграда.
И тем, чего стыдиться б было надо:
Что заодно с варягами Олег
На христиан свой совершал набег.

А князь Владимир, как бы в исступленье,
Славянства корни вовсе истребил.
А цель? Лишь только власти укрепленье.
Он даже про гарем про свой забыл.
Обычай завёл совсем другие,
Да в храмах греческие литургии
С болгарским вместе языком внедрил
И тем наследью Рима дверь закрыл.

А как нам веру в Бога избирал он,
Отеческих кумиров сокрушив?
Какие доводы и принципы играли
При этом роль? Теперь мы знаем их:
Они – уступка праздности и лени
И пьянству многих прежних поколений.
И жаль, что многое потом не раз
По пьянке часто делалось у нас.

Хоть далеко ещё до протрезвления,
И так у нас в умах полно трухи,
Но врут совсем без всякого зазрения
Так, как и прежде, наши пастухи,
Для нас за нас придумывая мифы.
То мы славяне им, а то вдруг скифы,
То – что судьбой нам нашей дан удел —
Как блохам вечно прыгать за предел.

Конечно, это миф – что мы – славяне.
Вобрали мы давно в своей крови
Всю ойкумену, поле смертной брани
Торжками шумных городов сменив.
Вот, где горшок плавильный, где народы,
Послушные рабы своей природы,
Слились в один разросшийся народ
Славян лишь только предками зовёт.

Да, мало есть у нас людей свободных
От предрассудков мифов вековых.
Предубежденья многим так удобны.
Живёт народов самобытность в них.

И ты впадаешь в грех предубежденья,
Слегка поддакнув, пусть из уваженья
К традициям своей большой страны
И заблуждениям ветхой старины,

И ясно ты уже не можешь видеть,
С врагами часто путаешь друзей,
Поддакнуть нужно, и внезапно выйдет:
Уже ты завербован в Колизей,
Уже ты гладиатор на арене,
Гарпедонавт на стройке храма пленный.
Твоя судьба – хозяевам служить,
И голову свою за них сложить.

Да, мифы нам – за нашу веру кара.
Они порой прощают нам грехи.
Они как будто крылья у Икара,
И так же ненадёжны и легки.
Как к солнцу к истине они вздымают,
И там они нам подло изменяют,
Ведь как бы ни был миф любой хорош,
Его как перья воск скрепляет ложь.

Да, мой народ, он словно заповедник
Давно ушедших в прошлое времен.
И кажется, что как и я, – наследник
Давно отживших форм и мифов он.
И в христианство силой обращённый,
Мечом, а не Евангелием крещённый,
Так и остался верным навсегда
Он вере чужестранной в те года,

Когда князья, спеша, в Орду входили,
Забыв заветы мудрой старины,
И вера ими та руководила,
Ведя в ярмо воинственной страны,
Невежественной, но веротерпимой.
Лишь кажется теперь необъяснимым:
Как можно веру предков истребить,
И в рабстве верным вере чуждой быть!

Да, это было так, и нам с Ордою
В веках сродниться было суждено.
И неразрывно связаны судьбою
Мы с тех времён далёких с ней одной.
Какое иго? Что вы, в самом деле!
Не сами ль мы себе царя хотели?
Ну, вот и получили мы царя,
За то свою судьбу благодаря.

Когда познав руки железной прелесть,
Мы извлекли практический урок,
Нам пуще всякой вольности хотелось
Спокойно жить, платя царю оброк.
Во всём ордынцам диким подражая,
Европы братской натиск отражая,
В Орде мы жили так, и триста лет
Оставили на нас жестокий след.

Лишь много позже мы назвали игом
Своих царей златоордынских власть,
Но и Европе показали фигу
И как и прежде жизни стали класть
На поле битв за мифы и химеры,
Воюя вечно с немцем, для примера,
Ну, а поляк какой-то иль француз?
С ним вовсе невозможен был союз.

Самодержавно всё же жить надумав,
Ярлык Орды на княженье порвав,
Создали тут же новую Орду мы,
Взяв образ византийского орла
В свой первый герб, и то ли третьим Римом,
Предстали миру мы непобедимым,
То ли второю Золотой Ордой,
Как говорят, Россией молодой.

Иван был хан скорей, чем император,
Как звался Дмитрий, а потом и Пётр,
Который был лишь только реформатор
Земель, что Грозный в кучку соберёт.
И так, Орды обломки подбирая,
За стенами московского Сарая
Орду московскую он основал,
И тоже цесарём себя назвал.

Так мы и хана раньше называли,
Не потому ли мы царей своих
В одежды прежних ханов одевали,
На трон венчая ханской шапкой их.
Рим в мыслях вечно путая с Ордою,
И шапку Мономаха с шапкой тою,
Что князю хан когда-то подарил,
Теперь над нами русский царь царил,

То истребляя гордых новгородцев,
То населенье Пскова и Твери...
Не сами ли, уже без инородцев,

Родной славянской кровью топоры
Свои мы обагрjali хуже ханов,
И до сих пор всё кровоточат раны
Междоусобиц, бунтов и расправ,
Уж лучше иго, или я не прав?

А что в патриотизме нашем смысла,
Когда им злую защищают власть,
Что как на тонком волоске повисла
И уж должна вот-вот позорно пасть,
Храня патриархальную отсталость,
Что от Орды в наследство нам осталась,
Вериги, тиранию, и ярмо,
И стойкой твердолобости клеймо.

И вот Россия под Иваном Грозным —
Патриотизма прочный бастион.
Свобода? Что вы? – это несерьёзно,
Привычной гнёт, хотя и тяжёк он.
Вот древний Псков, войска и горожане
Свои нечеловеческие раны,
Свою нечеловеческую боль
Превозмогают, чтоб закрыть собой

Полякам ненавистным путь в Россию.
Хотя не верю я в патриотизм,
Но знаю только, что им всем грозило:
И так, и так свою отдали б жизнь.
«Так пусть уж будет лучше без позора!»
И потому они легли за город.
И что же, сделала из них рабов
К Отечеству священная любовь?

Ну, а народ? Он и не ведал словно,
Что не было у Грозного царя
Как у прищельцев в жилах русской крови:
Он был полуполяк, полуваряг,
И не любил Россию он нисколько,
Хотел царить лишь над страной только,
И занят был лишь думою о том,
Как, впрочем, красные вожди потом.

Так что же сделать, чтобы непременно
Рабы всегда покорны были вам?
Запачкать их уничтоженьем пленных
Иль зверствами к занятым городам,
Использовать террор, заградотряды?
В боях погибнуть все чтоб были рады
За Богом им назначенную власть,

Не важно, как она бы ни звалась.

Чем злей и отвратительнее иго
Своих царей, хозяев и господ,
Чем неподъёмней на ногах вериги,
Тем наш патриотичнее народ.
Зачем патриотизмом называют,
Террор и зверства власти прикрывая?
Ни капли нет патриотизма в том,
Что все холуйством рабским мы зовём.

Во всех местах, прибавленных к державе,
Вполне достоин памятник стоять
Ему по историческому праву.
И тут нам ни прибавить, ни отнять.
Но вот указом поместить в Казани
Его не смеют. Быстро указали б
Татары супостату на порог,
Такой скандал представить я бы мог!

И в Астрахани был бы он не лишний,
Там, где сейчас другой кумир стоит.
И мне за шумом струй фонтанных слышно,
Что воевода Воротынский говорит,
Когда царю в шатре доклад он пишет.
Тут до сих пор историей всё дышит.
Ведь тут по воле грозного царя
Форпост России возведён не зря.

Но только почему же не Ивану
Тут монумент? Он честно покори́л,
Сей южный край, и это очень странно,
Всегда тут гордый дух его царил.
Я знаю, ныне многие считают,
Что Грозному совсем не уступают
Цари Европы тёмных тех времён,
В жестокости своей им равен он.

Романовы его стеснялись славы,
Оберегая от злословья трон,
Из тех царей, кто нами после правил,
Его ценил лишь Йосиф Сталин, он
И сам стремился к той же самой цели...
Эх, жаль, что не родился Церетели,
Когда другой грузин в Кремле царил,
А то бы свой шедевр нам подарил.

Мне видится на площади на Красной
Он Гуливером странным посреди,

Повёрнутым к Кремлю лицом ужасным
С крестом большим на высохшей груди
И в ханской в камнях тибетейке пышной.
И мавзолее не кажется тут лишним,
Как будто юрта хана сей Орды.
И башни словно стражников ряды.

Когда б Великий Новгород Россию
Собрать сумел под мощные крыла,
Тогда б ей тирания не грозила,
Она своё бы место обрела,
Став сильной европейскою державой
Среди других держав, без ложной славы,
Свободы выбор тот давал бы ей
Шанс Матерью быть для своих людей,

И точно уж, не мачехой лихою,
Которой дела вовсе нет до нас.
Не важно, честью, славой бы какою
Ни пользовалась, как бы ни звалась.
Но лишь не стала б новою Ордою,
И Родину я бы не звал бедою,
Когда б была свободною она
И жить свободно позволяла нам.

Любые жертвы Родине напрасны,
Жизнь всё равно всегда своё возьмёт,
Жаль только лишь, что век потерян. Ясно,
Что тот, навстречу ветру кто плюёт,
Во всём хоть ветер обвинять готов он,
Но, только, всё ж, он сам собой оплёван.
Ветра истории капризны и сложны,
Но всё же, уважать мы их должны!

Как Владислав наследником престола
Был назван, хоть католик и поляк,
Путём законным, может, божьей волей,
Вы помните, всё дело было как?
«Он – царь, пусть только примет нашу веру!
Любую русско-польскую химеру
Тогда готовы мы перетерпеть!
Но в церкви чтобы по-латыни петь!...»

Войти в Европу, пусть и через Польшу —
Предложен небывалый шанс судьбой.
Тогда в России стало б света больше,
Культуры, знаний, всячины любой.
Так можно было и догнать Европу,
Рукою твёрдой отворив ворота,

Хотя бы и с таможенной заодно.
Что там Петра какое-то окно?

А годы смуты – это ль не попытка
Абсолютизм в себе преодолеть?
И мучиться страна такую пыткой
И дальше крепостной чумой болеть
При тирании царской не хотела,
И знать на Запад с завистью глядела,
Будь Дмитрий жёстче, он сумел бы стать
Царём-строителем страны, как знать?

Порой выходят из глубин народа
Вожди, во всём угодные ему,
Идеи справедливости, свободы
Доступны даже тёмному уму.
Хотя его порой легко сбить с толку
И просто обмануть, но знаю только,
Как наша вера – Бога, в свой черёд,
Так и вождей – надежда создаёт.

Григорий подвиг смелый замышляет,
Ах, самозванец Гришка, ах, бандит!
Бояре словно шкурой понимают,
Что он пришёл народ освободить.
И тут совсем не первая – Россия.
А может, самозванец был мессия?
Бояре – это наш синедрион,
И им Лжедмитрий к смерти осуждён.

Став первым императором Российским,
Он европейский дух и смысл нам нёс.
Хоть путь к величью, может, не был близким,
Но с Дмитрием – царём воспрянул Росс,
Мечтая об империя свободы,
В которой жили б счастливо народы.
Не первым в мире был Наполеон,
Не с Дмитрия ли свой пример брал он?

Но самозванец подлый же свободу
Несёт стране. Непримири́м тут Росс.
Откуда ни возьмись опять в народе
Патриотизм возвышенный пророс.
Всё польское нутром возненавидя,
В кондовом лишь своё спасенье видя,
Лжедмитрия развеял лёгкий прах
Народ из пушки на родных полях.

Ну, вот, поляки изгнаны с позором,

И смута страшная царит в умах,
Законный император назван вором.
Бояре, прячась в крепких теремах,
Себя с победой сами поздравляют,
Они теперь опять всем заправляют.
Будь Дмитрий так же грозен как умён,
То сохранил бы жизнь и царский трон.
(Они б не пикнули при нём.)

В уме свободу путая со смутой,
Устав от бунтов, казней и войны,
Народ ей вновь предпочитает путы,
Тупой порядок ветхой старины.
Зачем пустует долго терем царский?
И свет тушить уже идёт Пожарский,
Ведёт простой народ издалека,
Страна уж наша очень велика.

Ну, вот, и «спасена» Россия снова.
Осела смута, ясно стало вновь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.